

Е. А. Никишина

ЖАНРОВОЕ
СВОЕОБРАЗИЕ
ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ
В ГАЗЕТЫ

На материале эмигрантских
и советских газет 20-х гг. XX века

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 821.161.1.0
ББК 81-5
Н 62

Рецензенты:

к. ф. н. Е. С. Кара-Мурза (МГУ им. М. В. Ломоносова),
к. ф. н. А. И. Грищенко (МППУ)

Никишина Е. А.

Н 62 Жанровое своеобразие писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.). — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 712 с., *вклейка после с. 256*. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-94457-310-0

В монографии описывается жанр писем читателей в советские и эмигрантские газеты 20-х гг. XX в. и применительно к нему обсуждаются различные жанроведческие концепции.

В работе предлагается классификация писем по их коммуникативной направленности (письма-сообщения, письма-просьбы и т. п.), а также рассматриваются композиционные и языковые средства, используемые авторами писем. В качестве материала взяты письма, опубликованные на страницах двух советских газет («Правда» и «Известия») и двух эмигрантских («Последние новости» и «Возрождение»). Лингвистический анализ писем в газеты, помимо прочего, позволяет наблюдать за формированием и устройством эмигрантских и советских дискурсивных практик.

Монография состоит из трех глав и приложения. В Главе I сформулированы критерии, необходимые для определения речевого жанра, участвующие специфику данного исследования.

Глава II посвящена описанию свойств жанра «письмо в газету». Она состоит из двух частей. В первой части дается характеристика коммуникативной ситуации, в которой функционирует данный жанр. Во второй части главы рассматриваются те признаки, которые можно считать общими для жанра «письмо в газету» в целом. В частности, описываются ключевые свойства автора и адресата.

В Главе III представлена классификация писем по типам (поджанрам). Для каждого поджанра описывается типовая интенция, прототипическая композиция и содержание, анализируется его языковое воплощение. Особое место среди типов писем занимают письма-отклики. В рамках анализа писем-откликов излагаются некоторые наблюдения над функционированием чужой речи в этих письмах, в частности, обсуждаются возможные механизмы искажения чужих текстов.

В приложении представлен корпус исследуемых писем (около 500 писем). Письма в корпусе сгруппированы по жанрам. Для удобства корпус снабжен двумя указателями — один организован по хронологическому принципу, другой — по жанровому.

УДК 821.161.1.0

ББК 81-5

В оформлении переплета использована фотография 1920-х гг.

ISBN 978-5-94457-310-0

© Е. А. Никишина, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	11
Глава I. Современные подходы к изучению жанров речи	15
I.1. О понятии «жанры речи» и о принципах их выделения в российских исследованиях.	15
I.2. Некоторые подходы к жанровому членению речи в западной традиции. Прикладной аспект изучения речевых жанров	24
I.3. Критерии выделения речевых жанров, принятые в работе ..	32
I.4. Подходы к изучению эпистолярного жанра. «Письмо в газету» как разновидность эпистолярного жанра	34
I.5. Материал исследования. Принципы отбора материала	43
I.5.1. Краткая характеристика изданий — источников писем	43
I.5.2. Отбор материала исследования	45
I.6. Выводы	48
Глава II. Общие характеристики жанра «Письмо в газету»	50
II.1. Коммуникативная ситуация «общение читателей с газетой».	50
II.2. Языковые и коммуникативно-прагматические характеристики жанра «письмо в газету», общие для всех писем	57
II.2.1. «Письмо в газету» как композиционное единство	57
II.2.2. Язык писем в газету в двух коммуникативных пространствах: эмиграция vs. советская Россия	66
II.2.2.1. Язык писем в газету в коммуникативном пространстве «советское общество».	68

II.2.2.2. Язык писем в газету в коммуникативном пространстве «эмиграция»	76
II.2.2.3. Язык писем в газету — смешение стилей?	79
II.2.3. Автор	83
II.2.3.1. Персональный vs. коллективный автор.	84
II.2.3.2. Человек частный vs. человек социальный	91
II.2.4. Адресат	95
II.2.4.1. Массовый адресат	95
II.2.4.2. Формальный адресат	96
II.2.4.3. Целевой адресат	100
II.3. Выводы.	112
Глава III. Классификация писем в газету	117
III.1. О соотношении фатического и практического общения	117
III.2. Этикетные жанры	123
III.2.1. Письма-благодарности	124
III.2.2. Письма-поздравления.	148
III.3. Информативы.	153
III.3.1. Письма-сообщения	154
III.3.2. Письма-отчеты	159
III.3.3. Письма-объявления	163
III.4. Экспрессивы	167
III.4.1. Письма-заявления	167
III.4.2. Письма-отречения.	172
III.5. Апеллятивы	186
III.5.1. Письма-предупреждения	186
III.5.2. Письма-жалобы	192
III.5.3. Письма-просьбы / призывы / предложения	211
III.5.4. Письма-рассуждения	235
III.6. Письма-отклики.	236
III.6.1. Письма-отклики, в которых отрицается информация из текста-стимула	239
III.6.1.1. Письма-опровержения	239
III.6.1.2. Письма-заявления	245
III.6.1.3. Письма-уточнения (разъяснения).	255
III.6.1.4. Полемические письма	257
III.6.1.5. Языковые особенности писем-откликов, отрицающих информацию из текста-стимула.	262

III.6.2. Письма отклики, в которых не отрицается информация из текста-стимула	274
III.6.2.1. Письма-дополнения (разъяснения)	275
III.6.2.2. Письма-заявления	276
III.6.2.3. Письма-подтверждения	276
III.6.2.4. Письма-призывы	277
III.6.2.5. Письма-покаяния	277
III.6.3. Фигура автора и адресата в письмах-откликах	279
III.6.4. Коммуникативные стратегии передачи чужой речи в письмах-откликах	282
III.6.4.1. «Выходные данные»	283
III.6.4.2. Пересказ	284
III.6.4.3. Пересказ с элементами цитирования	285
III.6.4.4. Цитирование	286
III.6.4.5. Способы искажения чужой речи	287
III.7. Выводы	292
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298
Приложение I. Основной корпус писем	
Классификация писем по поджанрам	301
Хронологический указатель писем	319
Письма	332
Приложение II. Вспомогательный корпус писем	
Хронологический указатель писем	661
Письма	663
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	681
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	682

Глава I

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЖАНРОВ РЕЧИ

Данная глава преследует двоякую цель. Во-первых, мы изложим некоторые подходы к понятию «жанр речи», введем наиболее существенные для настоящего исследования термины и предложим рабочее определение речевого жанра — главного объекта предлагаемого исследования. Во-вторых, мы рассмотрим несколько работ, посвященных разным аспектам эпистолярного жанра вообще и жанра писем в газеты в частности. В последнем разделе главы подробно описывается материал настоящего исследования и излагаются принципы его отбора.

I.1. О ПОНЯТИИ «ЖАНРЫ РЕЧИ» И О ПРИНЦИПАХ ИХ ВЫЧЛЕНЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Несмотря на то что представления о жанрах как типах литературных текстов сложились еще в античности, теория жанров речи как направление дискурсивной лингвистики является относительно молодой отраслью языкознания. В отечественной лингвистике введение в научный обиход концепции речевого жанра обычно связывается с М. М. Бахтиным. Проблема членения речи на жанры затрагивалась им еще в работах 20-х гг., и только в 1953 г. он пишет статью «Проблема речевых жанров», в которой представлена уже достаточно разработанная в плане лингвистической терминологии концепция речевого жанра [Бахтин 1986] — концепция, ставшая классической. В этой работе М. М. Бахтин, исходя из представления о том, что «изучение природы высказывания и многообразия жанровых форм высказывания

в различных сферах человеческой деятельности имеет громадное значение для всех почти областей лингвистики и филологии» [Бахтин 1986: 253], формулирует определение речевого жанра, к которому по сей день обращаются жанроведы. Остановимся на некоторых важных для нашего исследования положениях его жанровой концепции (более полный анализ его концепции представлен в [Алпатов 2002]):

1. Под жанрами автор понимает **«относительно устойчивые типы высказываний»**, объединяемые на основе трех параметров: **тематического содержания, стиля и композиционного построения**. Термином «стиль» М. М. Бахтин обозначает отбор словарных, фразеологических и грамматических средств языка. Исследователь отмечает, что эти три параметра взаимосвязаны.

2. Порождение речевого жанра, согласно М. М. Бахтину, происходит по следующей «схеме»: прежде всего у говорящего появляется **речевая воля** или **замысел**, который определяет выбор жанровой формы. Помимо самого замысла говорящего на выбор жанра оказывают воздействие следующие факторы: специфика данной сферы речевого общения, предметно-смысловые (тематические) соображения (которые и становятся **темой** данного речевого жанра), конкретная ситуация речевого общения, персональный состав его участников и т. п. Затем происходит обратное влияние: «замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Бахтин 1986: 270—271]. В результате этого взаимного влияния складываются **стиль и композиция**. Исходя из этого, можно представить алгоритм, по которому создается жанр, следующим образом:

- 1) замысел;
- 2) анализ ситуации;
- 3) выбор жанра;
- 4) подбор речевых средств (стиль и композиция).

3. «Высказывание — это не условная единица (фонема, морфема и пр. — *Е. Н.*), а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов...» [Там же: 263].

Каждое высказывание характеризуется **«завершенной целостностью»**. О завершенной целостности можно говорить, когда высказывание выражает «некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию».

Целостность высказывания определяется тремя факторами, неразрывно связанными между собой: «1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения».

4. Одним из важнейших признаков высказывания является его **адресованность**. Этот параметр речевого жанра принято называть **фактором адресата**. Вне зависимости от того, какими характеристиками обладает адресат (он может быть непосредственным или опосредованным, единичным или коллективным, конкретным или потенциальным и пр.), его присутствие всегда оказывает определенное влияние на высказывание, на его языковое воплощение. Кроме того, фактор адресата во многом определяет выбор самого жанра в той или иной коммуникативной ситуации.

5. Не все жанры в одинаковой мере позволяют отразить индивидуальность говорящего (или пишущего): **соотношение индивидуального и стандартизованного** различно в разных жанрах. Наиболее благоприятны для отражения индивидуального стиля жанры художественной литературы, а наименее — жанры, которые требуют стандартной формы (в частности, жанры деловой коммуникации).

6. В каждой **сфере общения** существует свой набор жанров, а этим жанрам соответствуют определенные стили (публицистический, деловой, научный и т. п.). Для каждой сферы характерны специфические **условия общения**, которые, в свою очередь, и влияют на выбор говорящим тех или иных жанров в конкретной ситуации общения. Такой подход к определению жанра, учитывающего непосредственный контакт с действительностью, называют коммуникативным или прагматическим. Этот подход быстро приобрел популярность и активно развивается по сей день.

По аналогии с высказыванием «Мы все вышли из гоголевской шинели», бытующим в литературных кругах, отечественные жанроведы с полной уверенностью могли бы сказать о себе: «Мы все вышли из бахтинской концепции». Несомненно, с момента появления работ М. М. Бахтина российское жанроведение уже пережило ряд этапов в своем развитии², но тем не менее идеи М. М. Бахтина по-прежнему остаются востребованными. Как справедливо отмечает В. В. Дементьев, «“вперед” в жанроведении часто означает “назад к Бахтину”» [Дементьев 2010: 42].

---

² Подробнее об этапах развития теории речевых жанров см. [Дементьев 2010: 17—75].

Остановимся на некоторых современных подходах к изучению речевых жанров, так или иначе связанных с бахтинской концепцией и актуальных для настоящего исследования.

Интерес к концепции М. М. Бахтина обусловлен прежде всего общей направленностью современной лингвистики на анализ речи в прагматическом аспекте, этот факт отмечался в [Дементьев 1997; 2010; Гольдин 1999; Китайгородская, Розанова 2010]. И это вовсе не случайно, потому что развитие бахтинской концепции в отечественной лингвистике происходит одновременно с освоением прагматики и теории речевых актов Остина-Сёрля (см., например, [Остин 1986; Сёрль 1986]). Именно поэтому основные положения бахтинской концепции жанра осмысливались через призму теории речевых актов. И действительно, выделив важнейшие признаки высказывания: типичную воспроизводимую жанровую форму, целостность, целенаправленность, завершенность, непосредственный контакт с действительностью, фактор адресата, М. М. Бахтин фактически охарактеризовал все признаки речевого акта.

Такое сближение двух областей особенно ярко проявилось в работах А. Вежбицкой, в частности в ее известной статье «Речевые жанры» [Вежбицкая 1997], опубликованной впервые на польском языке в 1983 г. в сборнике «Tekst i zdanie».

Главным параметром определения речевого жанра у А. Вежбицкой, по аналогии с вычленением разных типов речевых актов, служит функция или интенция говорящего. Поскольку А. Вежбицка не сводит речевой акт к предложению-суждению, а понимает его шире, в ее работах фактически отождествляются три понятия: речевой акт, речевой жанр и реплика диалога. В упомянутой статье исследовательница демонстрирует, как можно использовать уже достаточно разработанный понятийный аппарат теории речевых актов для описания речевых жанров: так, она предлагает описывать разные речевые жанры в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц (семантических примитивов). Для наглядности приведем толкование речевого жанра «объяснение»:

ОБЪЯСНЕНИЕ

думаю, что ты не понимаешь X

думаю, что ты хотел бы это понимать

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы ты это понимал [Там же: 107].

По сути, А. Вежбицка толкует глагол, называющий соответствующий речевой акт (ср. толкования речевых актов, приведенных в [Вежбицка 1985] и [Wierzbicka 1987]), наименованием же жанра является имя, образованное от данного глагола: *объявлять* — *объявление*, *просить* — *просьба* и т. п.

В принципе, отождествление понятий речевой жанр и речевой акт представляется нам недостаточно правомерным. В этом мы совершенно солидарны с точкой зрения М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой: «Если РА, являясь речевым действием одного из ПК (партнеры коммуникации. — Е. Н.), относится к самому процессу коммуникации, то жанр представляет ее продукт, текстовое воплощение» [Китайгородская, Розанова 2010: 158].

Важный вклад в разграничение двух, казалось бы, близких понятий — речевой акт (речевое действие) и речевой жанр (речевое произведение) — внес С. И. Гиндин. Он пишет:

В устной коммуникации совершаемое речевое действие является непосредственной чувственной данностью, а результат действия — высказывание — возникает и исчезает в ходе и по мере действия и неотделим от него. Вот почему в основу описания явлений устной коммуникации естественно положить квалификацию и классификацию именно речевых действий.

В письменной коммуникации речевое произведение становится сохранимым и потому отделимым от процесса своего создания, от речевого действия. Создание и восприятие речи протекает чаще всего порознь; для читателя речевое действие перестает быть чувственной данностью, а для пишущего может утрачивать жесткую отграниченность и выделимость. Свою определенность и безусловную данность речевое действие как бы отдает речевому произведению, и именно произведение, а не действие оказывается естественным центром описания письменно-го речевого события [Гиндин 1994: 60—61].

По мнению исследователя, к письменным речевым произведениям применима бахтинская концепция речевых жанров как «устойчивых типов высказываний» со своим набором композиционных, тематических и стилевых характеристик. Устные же высказывания наиболее логично анализировать с позиций теории речевых актов в духе А. Вежбицкой.

Отметим, что в другой своей более ранней работе С. И. Гиндин [1988] обосновывает целесообразность и возможность объединения подходов М. М. Бахтина и А. Вежбицкой к трактовке жанров. Так,

исследователь указывает на необходимость учитывать речеактовую природу жанров и, следовательно, при их классификации ориентироваться в первую очередь на их типовые интенции (по А. Вежбицкой), принимая при этом во внимание также структурные и формальные параметры жанров, то есть их тематику, стиль и композицию (по М. М. Бахтину). Этот подход представляется нам крайне продуктивным для описания жанров.

В настоящем исследовании мы лишь частично используем концепцию А. Вежбицкой. В частности, по примеру А. Вежбицкой, при описании отдельных типов писем в газеты мы опираемся на толкование глаголов, обозначающих соответствующие речевые акты. Многие выделенные нами поджанры писем названы именами этих речевых актов (письма-сообщения, письма-сигналы, письма-жалобы и т. п.). Следует отметить, что, поскольку в фокусе нашего анализа находятся жанры, бытующие в русской культуре, нас интересуют глаголы только русского языка, потому что речевые акты, обозначаемые этими глаголами, — это речевые акты, выделенные русским языковым сознанием и отражающие русский общественно-культурный мир.

Наиболее полное и систематическое описание русских глаголов речи в указанном аспекте представлено в исследованиях М. Я. Гловинской, поэтому при описании жанров в рамках данного исследования мы опирались на ее работы.

В связи с этим следует отдельно остановиться на статье «Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов» [Гловинская 1993], где представлена классификация глаголов речи по типам речевых актов: «сообщения», «доносы», «уверения и подтверждения» и т. д. Иногда в одну такую группу может входить несколько десятков глаголов (в группу «осуждения» входит, например, более семидесяти глаголов). В каждой такой группе выделяются основные глаголы, которым дается подробное толкование. Толкование состоит из трех основных частей, по которым могут быть распределены многочисленные компоненты: набор пресуппозиций, ассертивная часть ('X говорит, что P'), цель и/или мотивировка речевого акта ('X хочет, чтобы...'; 'X говорит это, потому что...'). Для остальных глаголов синонимического ряда устанавливаются только некоторые компоненты, сближающие их с основными глаголами или, наоборот, отличающие от них.

В качестве примера и для сравнения с толкованием речевого жанра «объяснение» А. Вежбицкой приведем толкование М. Я. Гловинской глагола *объяснять*:

Объяснять. X объясняет Y-у P $\approx$ '(1) X считает, что понимает P; (2) Y не понимает P; (3) X говорит Y-у о P то, что может сделать P понятным для Y-а; (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y понимал P' [Гловинская 1993: 175].

Расширенное и местами более подробное описание некоторых глаголов, объединенных в синонимические ряды, представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов» [НОСС 2004]. Здесь дается индивидуальный анализ всех глаголов группы, см., например, словарные статьи [Гловинская 2004а; 2004б; 2004в]. Данные проблемы и близкие к ним рассматриваются также в отдельных статьях [Гловинская 1991; 1993; 1996; 2000].

Некоторое сходство в трактовке понятий «речевой жанр» и «речевой акт» прослеживается в концепции Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997]. В статье Т. В. Шмелёвой предлагается семь конститутивных признаков, характеризующих модель речевого жанра:

1) **коммуникативная цель**, по этому признаку противопоставляются четыре типа речевых жанров: информативные, императивные, этикетные и оценочные;

2) **образ автора** — информация о говорящем (пишущем): роль в коммуникации, социальный статус, отношение к адресату и т. п.;

3) **образ адресата** — информация об адресате: роль в коммуникации, социальный статус, отношение к адресанту и т. п.;

4) **образ прошлого** — признак, связанный с местом речевого жанра в цепи речевого общения, по этому признаку различаются инициальные и «реактивные» речевые жанры;

5) **образ будущего** — признак, симметричный предыдущему: предполагает дальнейшее событие, воплощающееся в появлении других речевых жанров, связанных с рассматриваемым;

6) **диктумное (событийное) содержание**, которое определяет выбор конкретного жанра в данной коммуникативной ситуации;

7) **языковое воплощение** — лексическое и грамматическое оформление речевого жанра.

Т. В. Шмелёва предлагает использовать эту модель как инструмент для описания различных жанров, создания их «портретов». Модель действительно приобрела широкую известность: многие работы — описания отдельных жанров базируются на схеме, предложенной Т. В. Шмелёвой, ср. [Данилов 1999; 2002; Тарасенко 1999; 2002; Культура русской речи 2007] и др.

Следующим этапом развития современного жанроведения, по мнению Т. В. Шмелёвой, должно стать создание **энциклопедии речевых жанров**. Несмотря на масштабность этого мероприятия, исследовательница намечает три основных направления, в которых должна вестись работа: «...создание монографических описаний отдельных речевых жанров — в рамках статей и кандидатских диссертаций; описания жанровых групп — однородных и контрастных; наконец, описания речевых жанров как репертуара разных речевых сфер, на что обращал внимание М. М. Бахтин» [Шмелёва 2006: 124]. В этом смысле предлагаемое исследование вполне вписывается в первое из трех намеченных направлений, поскольку данная монография создана по мотивам кандидаткой диссертации автора [Никишина 2013].

Т. В. Шмелёва указывает также на то, что создание энциклопедии речевых жанров особенно актуально на данном этапе, поскольку дальнейшие теоретические изыскания в рамках теории речевых жанров представляются ей избыточными:

Сегодня количество жанроведческой информации так велико, что мы можем создавать энциклопедию речевых жанров, представляя описания каждого из них не только как факта речевой действительности, но и как объекта лингвистического изучения. <...> Время теоретических деклараций и терминологической полемики прошло, наступает время создания фундаментальных описаний [Шмелёва 2006: 124].

Вслед за М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой мы позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Проблема членения речи на жанры настолько актуальна в современной лингвистике, что исследователи подходят к ней с самых разных точек зрения, вот почему трудно говорить о существовании на сегодняшний день какой-либо единой концепции речевого жанра. Обзор работ, посвященный теоретическим проблемам, связанным с вычленением жанров речи, представлен в [Дементьев 1997; 2010; Китайгородская, Розанова 2010: 146—180].

На наш взгляд, к проблеме создания типологии жанров следует подходить с другой стороны: не стараться описать все существующие жанры по одной модели, а все больше и больше оттачивать эту модель путем описания различных жанров. Так, В. Е. Гольдин в своей статье, посвященной актуальным проблемам жанроведения, отмечает, что одним из главных путей к уточнению понятия речевого жанра является создание типологии жанровых форм [Гольдин 1999].

Помимо многообразия теоретических подходов к проблеме речевых жанров, на пути создания такой универсальной энциклопедии стоит еще одно препятствие: описание того или иного жанра трудно представить в отрыве от описания конкретной коммуникативной ситуации, в которой он реализуется. Описание же набора жанров, в свою очередь, должно соотноситься с описанием социальной группы, использующей эти жанры, ведь «набор жанров в значительной мере характеризует речевые практики некоторой социальной группы или класса» [Maingueneau 1987: 27]. Кроме того, при описании каждого жанра должны приниматься во внимание тот период времени, та эпоха, внутри которых существует данный жанр. «Постоянное обновление жанров делает *a priori* невозможным создание каких бы то ни было их типологий» [Ibid.: 27]. Именно поэтому наиболее продуктивным в деле исчерпывающего описания того или иного жанра, на наш взгляд, является **ситуативный** или **ситуативно-жанровый** подход, реализованный, например, в следующих работах: [Китайгородская, Розанова 2005; 2010; Занадворова 2001] и др. В отечественной лингвистике этот подход разрабатывался в рамках «Московской школы функциональной социолингвистики» (МШФСЛ).

МШФСЛ известна в первую очередь своими исследованиями русской разговорной речи, предпринятыми в 1970—1980-е гг., см. серию коллективных монографий [PPP 73; PPP 1978; PPP 1981; PPP 1983]. Изначально проект заключался в том, чтобы системно описать языковые единицы разговорной речи и особенности их функционирования, но уже на стадии сбора и систематизации материала исследователи столкнулись с необходимостью дифференцировать исследуемые тексты по жанрам, а для этого нужно было разработать концепцию жанра. И она не заставила себя ждать: во второй монографии «Русская разговорная речь. Тексты» [PPP 1978] авторы формулируют свою жанровую концепцию, в которой подчеркивается важность **ситуативных признаков** при объединении разных текстов в общий тип. К ситуативным признакам, в частности, относятся цель коммуникации и количество участников речи. Дальнейшее развитие ситуативный подход к вычленению жанров получил в работах Е. А. Земской [Земская 1988], Л. А. Капанадзе [Капанадзе 1997; 2005], М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова 2005; 2010] и др. Подробнее об истории изучения жанров разговорной речи в рамках МШФСЛ см. [Китайгородская, Розанова 2010: 146—151].

В отличие от исследователей устной спонтанной речи, перед нами не стоит проблема членения трудно членимого речевого континуума на жанры, ведь материалом нашего исследования стали письменные тексты с легко различимыми границами. В связи с этим в данном исследовании ситуативный подход к описанию жанров реализуется следующим образом: прежде чем описывать конституирующие признаки жанра «письмо в газету» (коммуникативное намерение говорящего, тему, композицию и языковое воплощение), мы даем характеристику **коммуникативной ситуации**, в которой данный жанр функционирует (см. раздел II.1. Коммуникативная ситуация «общение читателей с газетой» в главе II настоящей работы).

Говоря о современном жанроведении в России и о разнообразии подходов к трактовке проблемы речевых жанров, нельзя не упомянуть специализированный сборник «Жанры речи», который начал издаваться в Саратове в 1997 г. В этом сборнике рассматриваются такие актуальные проблемы теории речевых жанров, как идентификация жанров, их типология, выделение конституирующих признаков, речевое воплощение, функционирование и трансформации жанров в различных коммуникативных сферах, обсуждается язык описания жанров. С 2013 г. сборник преобразован в Международный журнал «Жанры речи», а до 2013 г. вышло восемь сборников [Жанры речи 1997; 1999; 2002; 2005; 2007; 2009; 2011; 2012]. Авторы сборника — исследователи из многих городов России (центров современного отечественного жанроведения) и других стран.

Более подробный обзор работ, создававшихся в рамках крупных школ изучения жанров, представлен в [Дементьев 2010: 55—75]. Перечень работ, посвященных описанию отдельных речевых жанров, приведен в [Там же: 287—304].

1.2. НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ

К ЖАНРОВОМУ ЧЛЕНЕНИЮ РЕЧИ В ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ.

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Прежде чем приступить к знакомству с западной жанроведческой традицией, следует отметить, что как бы нам ни было трудно представить изучение речевых жанров без опоры на концепцию М. М. Бахтина, на Западе его работа «Проблема речевых жанров» упоминается крайне редко. Если во франкоязычных исследованиях, посвященных речевым жанрам, мы еще можем встретить имя М. М. Бахтина (это

связано, видимо, с тем, что во Франции широко известны его работы по литературоведению), см., например, [Adam 2005; Goffard 1997; Maingueneau 1987; 2007], то в англоязычных это практически исключено. Между тем сравнение самых различных подходов показывает, что большинство основополагающих идей, предлагаемых западными исследователями, можно найти в том или ином виде и у М. М. Бахтина.

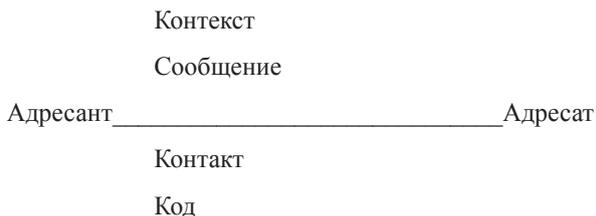
В отличие от России, где термины «жанроведение», «теория речевых жанров», «генристика» и даже «генология» (см. [Шмелёва 2006]) достаточно популярны, в работах зарубежных лингвистов аналогичные понятия встречаются нечасто (ср. *genre analysis* (англ.)). Проблемы членения речи на жанры традиционно рассматриваются в рамках дисциплины, называемой «дискурсивным анализом» (*discourse analysis* (англ.)). Дискурсивный анализ — это сравнительно молодое направление лингвистики, изучающее структуру речи, процессы ее порождения и понимания. Исследователи, работающие в рамках данного направления, широко используют достижения не только лингвистики, но и социологии, психологии, теории коммуникации и других наук.

Одним из основополагающих вопросов дискурсивного анализа является создание типологии дискурса. В западной традиции существует две основные классификации типов дискурса: классификация по **модусам** (устный vs. письменный) и классификация по **жанрам**.

Различие устной и письменной форм дискурса, т. е. различие по модусу, возникло из фундаментального противопоставления устного и письменного каналов передачи информации, которое, в свою очередь, было сформулировано в процессе создания моделей коммуникации. Обзор работ, посвященных модусам дискурса см. в [Кибрик 2003: 16—21; Коротаяев 2009: 17—21]. Мы же обратимся к вопросу, непосредственно интересующему нас в рамках данного исследования, а именно к принципам членения речи на жанры. Как и различие по модусу, характерные признаки речевых жанров выводятся из параметров ситуации общения в социологическом ключе. Ситуация общения традиционно представляется в виде модели.

Мысль о создании модели коммуникации приходила в разное время представителям самых разнообразных наук — от математики до антропологии (см., например, математическую модель коммуникации Шеннона-Уивера). В лингвистике зарождение ситуативного подхода к теории речевой деятельности связывается с появлением «модели языка как органа» К. Бюлера [Бюлер 1993], которая получила название треугольника Бюлера и во многом предвосхитила

более поздние модели коммуникации. Исследователь выделяет три составляющих речевого акта: «отправителя», «получателя», «предмета и ситуации». Р. Якобсон разрабатывает свою коммуникативную модель, добавив к модели К. Бюлера еще три компонента. Именно эта функциональная модель коммуникации (функциональной ее принято называть потому, что каждому из шести компонентов соответствует особая функция языка) и получила наибольшую популярность в отечественной лингвистике [Якобсон 1975: 193—230]. Данная модель может быть представлена в виде схемы:

В настоящее время вопрос о том, возможна ли одна модель, с равной степенью адекватности учитывающая, скажем, данные деловой переписки и разговора в общественном транспорте, остается открытым. На данный момент ее, скорее всего, не существует в силу крайнего разнообразия встречающихся речевых произведений и ситуаций их порождения. Практически все методы, используемые в дискурсивном анализе, в действительности применимы лишь к отдельным видам дискурса (см. [Кибрик 2003: 23]). И тем не менее наравне с моделями, приспособленными к целям и задачам конкретных исследований (см., например, модель описания разговорной коммуникации в [PPP 1981]), существует множество различных моделей коммуникации, претендующих на всеохватность. Одной из таких моделей является классификация ситуаций речевого общения (*speaking situations*) Д. Хаймса, представленная в [Hymes 1972].

Данная социолингвистическая модель включает 16 компонентов речевой ситуации, сгруппированных в восемь позиций, из первых букв английских имен которых складывается слово SPEAKING. В число этих компонентов входят: место, время и другие физические характеристики дискурса, а также психологическая обстановка (*Setting*), участники коммуникативного акта (*Participants*), их цели и задачи (*Ends*), форма и содержание сообщения (*Act sequences*), тон общения (*Keys*), каналы и формы речи (*Instrumentalities*), нормы общения и правила интерпретации (*Norms*), жанры (*Genres*).

Переход от модели коммуникации к модели речевого жанра неупомянутым — и действительно, трудно оспаривать, что между моделью Д. Хаймса и моделью речевого жанра Т. В. Шмелёвой прослеживается определенный изоморфизм. Модель коммуникативной ситуации, разработанная М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова 2005] в рамках ситуативного подхода МШФСЛ (см. [PPP 1981]), тоже в целом близка к рассмотренным моделям. Таким образом, в рамках ситуативного подхода модель коммуникативной ситуации в целом легко трансформируется в набор признаков речевого жанра, в своего рода «анкету» речевого жанра.

Помимо ситуативного подхода в западной лингвистике широкую популярность имеет подход Дж. Суэйлза [Swales 1990], который базируется на понятии **прототипичности**. Дж. Суэйлз предлагает определять жанр как совокупность коммуникативных событий, которые по набору своих признаков (коммуникативное намерение, структура, языковое воплощение и пр.) могут считаться типичными представителями того или иного жанра в большей степени, чем все остальные. В этом аспекте данный подход может быть назван когнитивно-прагматическим, потому что жанры в данном случае отождествляются с фреймами — обобщенными представлениями о том, как должно быть реализовано конкретное коммуникативное намерение.

Для сравнения приведем цитату из М. М. Бахтина, где он определяет жанр как типичную модель высказывания, фактически как фрейм, хотя и не использует этого термина:

Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (то есть приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи. Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно [Бахтин 1986: 271—272].

Аналогичную способность наивных носителей языка распознавать жанры речи и оперировать ими Т. В. Шмелёва называет **интуитивной жанровой рефлексией** [Шмелёва 1997]. Французский исследователь Д. Менгено считает подобную рефлексию главным фактором **когнитивной экономики**: благодаря знанию речевых жанров, мы не должны

относиться с постоянным вниманием ко всем деталям всех высказываний, которые нас окружают. Мы с первого взгляда можем различить такие жанры, как рекламная листовка и счет на оплату чего-либо, а значит, мы можем сразу же сконцентрироваться лишь на самых важных деталях [Maingueneau 2007: 40].

Другой аспект подхода, разработанного Дж. Суэйлзом, — социологический: в соответствии с этим аспектом, ключевым для определения жанра является набор дискурсивных характеристик данного социума. Жанры определяются как атрибуты дискурсивных сообществ и как реализации типовых коммуникативных намерений, характерных для таких сообществ. Данный социологический подход не менее популярен в лингвистических кругах, см., например, [Ibid.]. Так, Д. Менгено для объяснения социальной природы жанра использует юридическую метафору «контракт»: всякий жанр, подчиняясь определенным нормам, является продуктом негласного договора или контракта представителей данной социальной группы [Ibid.: 47—48]. Кроме того, исследователь указывает на историческую обусловленность жанра: если такие типы дискурса, как «информативный», «прескриптивный», «игровой» и др., существуют в любом обществе и в любую эпоху, то жанры «ток-шоу» или «редакционная статья» отнюдь не вездесущи ни во временном, ни в пространственном смысле [Ibid.: 39]. Таким образом, можно исследовать общество (социальную группу) с точки зрения набора жанров, используемых его членами.

Говоря о когнитивно-прагматическом и вместе с тем социально-историческом подходе Дж. Суэйлза, невозможно обойти стороной понятие «коммуникативная компетенция», которое в данном случае неразрывно связано с понятием социокультурной компетенции. Хотя сам исследователь и отмечал, что некоторые жанры могут быть трудно отличимыми (*fuzzy*), в целом человек, обладающий достаточной коммуникативной и социокультурной компетенцией, без труда может породить и понять большинство жанров, характерных для его дискурсивного сообщества. Это напрямую связано с задачами настоящей работы: в нашем исследовании мы постараемся охарактеризовать на примере писем в газеты то, как жанры отражают дискурсивные установки данного социума, в частности нас будут интересовать различия в оформлении одних и тех же коммуникативных намерений представителями разных социумов — эмиграции и советской России. В свою очередь, это описание набора жанров и каждого жанра

в отдельности, возможно, дополнит образ эмигрантского и советского общества в культурологической перспективе.

Как и любая научная парадигма, подход Дж. Суэйлза не огражден от критики. Так, сингапурский исследователь жанров В. К. Бхатиа указывает на недостаточное место **психологических** факторов в концепции Дж. Суэйлза: жанры могут быть настолько сложными и в структурном, и в коммуникативном отношении (например, в них могут пересекаться сразу несколько коммуникативных намерений говорящего), что далеко не все члены сообщества способны их распознать [Bhatia 1993: 16]. Таким образом, В. К. Бхатиа подчеркивает еще одно важное свойство жанров — их **динамичность**, связанную с индивидуальностью говорящего. На важность этого аспекта указывается и в [Goffard 1997: 104—108; Charaudeau 2002]. Построение высказывания, его материализация в жанр — результат взаимодействия между субъективной и объективной речевой деятельностью. Когда говорящий выбирает жанр для того, чтобы как можно лучше передать свое коммуникативное намерение, он вынужден выбирать способ подачи своего текста, языковые средства, с помощью которых он оформит свое намерение, чтобы быть лучше понятым адресатом, — это несубъективный выбор. Но вместе с тем говорящий не может оградить свое речевое произведение от влияния своего индивидуального языкового и социокультурного опыта — и это уже субъективная сторона жанра [Goffard 1997: 104—108] (ср. с понятием «индивидуального стиля» у М. М. Бахтина).

Если жанры могут ощущаться носителями интуитивно, то встает вопрос, можно ли адекватно определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры. Лингвисты подступаются к этому вопросу с двух сторон: во-первых, жанры определяются на основе структурных характеристик — **композиции** или **жанровой схемы** — и, во-вторых, на основе формальных языковых характеристик — **морфосинтаксических** и **лексических** (ср. понятие «стиля» у М. М. Бахтина).

Подход к определению жанра, базирующийся на том, что основной критерий для выделения жанров речи — это структура текста (композиция), называют **структурным**. Одним из наиболее известных представителей данного подхода считается нидерландский лингвист Т. ван Дейк [ван Дейк 1989], использовавший при анализе жанров речи понятие *суперструктуры* — обобщенной стандартной схемы, по которой строятся тексты данного жанра. На настоящий момент существует подробное описание жанровых схем для самых разных